

Означение внутренних содержаний внутреннего мира клиента в разговорной и экспрессивной психотерапии

Д.Э. Волкова, А.Б. Орлов

При сопоставлении вербальных и невербальных форм психотерапевтической практики используются аналитические схемы понимания сущности и этапов процесса означения в философии и общей психологии. Выделяются некоторые механизмы лечебного воздействия и особенности невербальной психотерапии.

Ключевые слова: вербальная психотерапия, невербальная психотерапия, арт-терапия, экспрессивная терапия, означение, этапы означения, категоризация.

То, что говорит в человеке... выходит за
пределы его речи, пронизывая его сны,
бытие, его организм.

Ж.Лакан

Арт-терапия, в настоящее время становится все более популярным в профессиональной и клиентской среде, а также бурно развивающимся направлением психотерапевтической практики. Арт-терапия, то есть «лечение искусством» - наиболее часто употребляемое в литературе название обсуждаемого направления. Также встречаются названия, «терапия творческим самовыражением», «экспрессивная терапия», то есть «терапия творческой экспрессией», «терапия творчеством» [8;44-45].

Арт-терапия представляет собой «лечение пластическим изобразительным творчеством с целью воздействия на психо-эмоциональное состояние больного [6;52].

Существует множество подходов, между которыми нет единого мнения относительно факторов и механизмов терапевтического взаимодействия в процессе арт-терапии. Существуют различные обоснования эффективности методов арт-терапии, например, бихевиоральное направление приписывает ее эффективность отвлечению внимания клиента от болезненных переживаний и развитию более адаптивных моделей поведения; трансперсональный подход связывает эту эффективность с отреагированием и катарсическим переживанием опыта перинатальных травм; гуманистическая терапия - с активизацией в процессе творчества исцеляющих сил, дремлющих в каждом индивиде. Если же отойти от концептуальных различий, то многообразие действующих в арт-терапии факторов можно свести к трем наиболее значимым - художественной экспрессии, психотерапевтическим отношениям, интерпретации (обратной связи) [9].

До сих пор дискуссионным остается вопрос, что составляет основу арт-терапии:

творческий процесс сам по себе или речевое взаимодействие на основе его продукта. [15]. Так, М.Наумбург [16] подчеркивает значимость интерпретации психотерапевтических отношений, вне которых невозможно достижение устойчивого психотерапевтического эффекта. Несколько иных взглядов придерживается Э.Крамер [16], считая возможным достижение лечебного эффекта за счет самого творческого процесса. При этом дальнейшая интерпретация считается необязательной. Творческий акт, являясь эквивалентом субъективного опыта, дает индивиду возможность увидеть внутренний конфликт, пережить его и, в конечном счете, разрешить. Сходное мнение высказывает Д. Шаверьен - значимым является то, что субъект получает опыт создания и авторства, а арт-терапевт выступает лишь в качестве свидетеля [16].

По мере передачи через художественные формы своего опыта, бывшего ранее неявным, имплицитным (в отличие от находящегося в фокусе сознания), субъект осознает его, обретает способность выражать в словах - описывать, доносить до Другого. До этого определенные грани опыта существовали в довербализованной, дорефлексивной форме, составляя «теневую» часть самосознания индивида. Субъективная реальность создается по мере того, как ее «выкраивают и артикулируют. Арт-терапия видится как культурная практика, инициирующая усиление самопонимания [15].

Художественная экспрессия предполагает выражение внутренних содержаний клиента через создание образов (художественных, пластических, звуковых и пр.) работа достигает цели в том случае, если клиент движется от непосредственного отреагирования внутренних содержаний (при котором понимание смысла создаваемых образов минимально) к созданию т.н. символических образов. При этом символообразование предполагает создание формы и внесение в нее определенного многопланового содержания подчас трансцендентального порядка [3].

Одним из наиболее ярких и широко представленных в литературе является гуманистическое направление арт-терапевтической практики. В частности, следует отметить работы Н.Роджерс, дочери одного из родоначальников гуманистического направления психотерапии – К.Роджерса, основавшей свое направление в психотерапии, получившее название «» [22]. Представители гуманистического подхода в психотерапии: «склонны видеть человека существом прирожденно активным, борющимся, самоутверждающимся, повышающим свои возможности, с почти безграничной способностью к позитивному росту» [6;154]. Терапевтическая цель видится в данном случае как «достижение максимальной осведомленности или более

высокого состояния сознания..» [6;154] клиента.

Н.Роджерс отмечает, что направление человекоцентрированной терапии на основе экспрессивных искусств не укладывается в рамки арт-терапии (как главным образом клинической и психоаналитической практики), а стоит особняком и представляет собой уникальный авторский метод психотерапевтической помощи, произрастающий из парадигмы гуманистической психотерапии [22]. В контексте данного исследования вышеуказанные различия для нас не будут значимыми, поэтому термины «арт-терапия», «невербальная психотерапия» и «экспрессивная терапия» будут в дальнейшем употребляться как синонимы.

Как уже было сказано, существуют разные взгляды на механизмы, обуславливающие эффективность невербальных форм психотерапии. Авторы выделяют – креативные, сублимативные, проективные, катарсические и пр. механизмы [6,7,8,9,21], отражающие мишени терапевтического воздействия различных вариантов арт-терапии, их основные цели и задачи. Несмотря на большое количество, глубину и многоплановость выделенных факторов, их список остается неполным, они достаточно разрознены (объяснения даются в рамках определенных психотерапевтических направлений) не образуют единой целостной структуры.

В данной статье предлагается новый подход к пониманию процесса невербальной психотерапии, опирающийся на представление о феномене «означение». Мы попытаемся проинтерпретировать те процессы, которые имеют место в вербальной и невербальной формах терапии с точки зрения семиотического и общепсихологического подходов к концепту «означение». В качестве модели для сопоставления, мы выбрали две терапевтические формы в рамках одного направления - разговорную терапию К.Роджера и экспрессивную терапию Н.Роджерс.

«Означение» (равно как и родственное ему понятие «значение») - общенаучное понятие (категория), т.е. оно используется различными науками (лингвистикой, психологией, логикой, семиотикой и пр.). Это понятие высокой степени абстрактности, многоплановое и многозначное, оно «обслуживает очень широкий круг частных явлений, их свойств и связей, не укладывающихся в рамки одной науки»[10;6]. Исходя из вышеперечисленных особенностей понятия «означение», мы полагаем, что его использование дает возможность сопоставить две разнородные психотерапевтические формы – разговорную (вербальную) психотерапию и ее невербальный аналог, а также открывает новую перспективу понимания самого процесса психотерапии. Мы обратимся к теоретическим построениям, схемам, развитым в областях, где

доминирующим понятием является «означение», и спроецируем их в область психотерапии.

Ниже будет представлена попытка раскрыть смысл понятия «означение» через реконструкцию последовательности его этапов в ситуации познания, осознания (в нашем случае – самоосознания, самопознания). Для этого мы обращаемся к философским и, собственно, психологическим теориям означения. Затем мы вернемся к практике психотерапии и используем выделенные последовательности как структуру и как аналитическую схему для сопоставления вербальной и невербальной форм психотерапии.

Этапы означения

Психологический и философский ракурсы

Что собой представляет феномен означения? Для ответа на этот вопрос прежде сфокусируем внимание на концепте «значение», предстающем как двойственная сущность, функционирующая с одной стороны как объект сознания индивида, а с другой - *как способ и механизм осознания* [10;8], то есть как собственно означение.

Разработкой проблемы значения занимались различные отечественные и зарубежные психологические школы и направления: когнитивная психология, необихевиоризм, культурно-историческая психология, деятельностный подход, психосемантика. В отечественной психологии проблему значения разрабатывали Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.Р.Лурия, П.Я.Гальперин, В.Д.Давыдов, А.А.Леонтьев, О.К.Тихомиров [20]. В.П.Петренко, развивая концепции отечественных психологов, дает следующее определение значения: «обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [11].

Родственным понятию «означение» является понятие «категоризация». Рассмотрим явление категоризации более подробно. Предполагается, что с помощью категоризации люди подразделяют реальный мир на сегменты, определяют границы между реалиями, т.е. проводят «означение» [12]. Основной функцией категоризации считается «упорядочение имеющейся у субъекта и поступающей к нему информации» [14;90]. В ходе упорядочивания информация «укладывается» в определенные категориальные системы [14].

Восхождение от плохо осознаваемых, малорефлексируемых, нечетко структурированных форм, (содержаний сознания) через первичные, «грубые»

категориальные сети к более структурированным, дифференцированным усложненным сетям предполагает движение по категориальной лестнице (которому соответствует процесс познания) [11].

Семантическая организация самого начального, глубинного уровня категоризации идентична как для образной, так и для вербальной семантики, то есть процесс означения в этих двух кардинально отличающихся планах - словесном и образном (невербальном) берет начало из одной корневой системы - первичных оснований категоризации. Первичные категории представляют собой «единый глубинный код, являющийся универсальным для восприятий разных модальностей» [11;127-128]. Так, образы и символы, как показали исследования, тоже (равно как и вербальные знаки) могут быть организованы в устойчивую систему отношений, которая функционирует как категориальная система, существующая наравне с системой словесных обозначений.

Порождение, кристаллизация, оформление значения идет параллельно с прояснением, пониманием; осуществляется переход от нерасчлененности, расплывчатости воспринимаемого (или осознаваемого) содержания к отчетливости и дифференцированности, от нечеткой предметной отнесенности к отчетливой, от неосознанности к осознанности некоторых состояний клиента. Как следствие, у него появляется возможность выразить свой опыт Другому с помощью понятных им обоим значений. Этот опыт может существовать как в неявной, нечеткой форме с неявной предметной отнесенностью, так и в более отчетливой.

По подобному же пути, видимо, идет самопознание: клиент движется от смутных, неопределенных ощущений, презентующих его опыт, ко все более отчетливому, оформленному восприятию себя. В конце концов, он приобретет способность передать свой опыт Другому на понятном им обоим языке конвенциональных значений.

Итак, вслед за В.Ф.Петренко и другими мы будем руководствоваться представлением об индивидуальном сознании как многослойной уровневой системе, имеющей как осознаваемые, так и неосознаваемые компоненты (слои, уровни). Неосознаваемые (бессознательные) компоненты, которые рассматриваются (например, в психоанализе) как противостоящие сознанию, будут квалифицироваться в качестве нижележащих уровней сознания, характеризующихся меньшей расчлененностью и рефлексивностью [11].

В философском плане процесс означения получил основательную научную разработку в рамках структурализма и семиотики. Структуралистский подход к

проблеме означения зиждется на представлениях о возможности помыслить любой феномен как текст, представленный, в свою очередь, совокупностью знаков. Процесс психотерапии (как вербальных, так и невербальных ее форм) также можно представить в виде текстовых (дискурсивных) практик [5]. При этом под речью, видимо, может подразумеваться не только система словесных конвенциональных знаков, но и система индивидуальных образов разных модальностей.

В процессе порождения текста происходит «означивание и переозначивание» внутренних содержаний клиента [5], им самим или терапевтом, в результате которых эти содержания оказываются представленными самому субъекту по-новому, в иных качествах, с иных точек зрения.

Любой текст по своей природе неоднозначен, в нем содержится множество смыслов, требующих расшифровки, владения кодами, причем ни один из смыслов, извлеченных из текста не является единственно истинным, верным. Более того, эти смыслы невозможно ни полностью выделить, ни окончательно классифицировать: они неисчерпаемы. Некоторые смыслы доминируют в тексте, заглушая прочие. Как отмечает Н.Ф.Калина в речи клиента может звучать непредумышленная полифония смыслов, позволяющая терапевту заглянуть в бессознательное клиента. Сделать это терапевт может помимо воли клиента, преодолев «принуждение к интерпретации» с его стороны[5].

В дальнейшем мы остановимся на семиотической концепции означений и применим схему этапов означения, разработанную Р.Бартом [1] и освещенную в новом контексте А.Ш.Тхостовым [19] для анализа процесса означения внутренних содержаний клиента в психотерапии. В этой схеме процесс означения представлен двумя этапами – первичным и вторичным означением. Первичное означение связано с перцептивным выделением явления из окружения, первичной его квалификацией. Вторичное означение – это приписывание данному явлению какого-либо дополнительного смысла, включение его в более широкий контекст. Результатом вторичного означения в терминологии Р.Барта, является миф [1].

Психотерапевтический ракурс

Итак, спроецируем вышеизложенные схемы в область психотерапии. И в вербальной и в невербальной формах психотерапии имеет место означение как на глубинном - эмоционально-оценочном, до-речевом, до-сознательном уровне, - так и на более развитом и дифференцированном, хорошо осознаваемом уровне. Существует также ряд промежуточных уровней, на которых также возможно означение.

Означение на глубинном, доречевом уровне в вербальной форме терапии происходит через эмпатическое отображение элементов внутреннего мира субъекта терапевтом; а в невербальной терапии, помимо эмпатии, - через художественный продукт, во время создания этого продукта.

И далее, чем более явную предметную отнесенность имеет актуализируемый образ, чем легче актуализируется в нем предметное содержание, тем более он доступен для вербализации и осознания. И напротив: чем менее четкую предметную отнесенность имеет образ, тем сложнее осознать его содержание и то значение, которое он несет. Образы, не имеющие четкой предметной отнесенности, как раз и представляют собой наиболее ранний, простой уровень категоризации. «Основания категоризации этого уровня задаются в виде эмоционально насыщенной, нежестко-структурированной образности, не несущей в себе завершенной предметности» (11;127). Однако, по всей видимости, тем больше вероятность соприкоснуться с неозначенными элементами опыта, с чувствами и переживаниями клиента, тем ближе мы подойдем к самым истокам, основаниям категоризации (а значит и к начальному этапу означения).

Нам представляется, что возрастание беспредметности продукции клиента в ходе психотерапии отражает его самоуглубление, нисхождение по категориальной лестнице, движение к полюсу неозначенности. В невербальной терапии это движение, как правило, сопровождается усилением спонтанности, возрастанием хаотичности, снижением контроля за действиями. В вербальной терапии самоуглублению, нисхождению по категориальной лестнице, соответствуют такие внешние проявления клиента, как возрастание путаности речи удлинение пауз, появление противоречий, логических ошибок.

Таким образом, в невербальной психотерапии непосредственное означение того, подвергавшегося означению ранее, находит свое выражение в слабо оформленной художественной продукции (беспредметная живопись, напев и пр.) с последующим постепенным, плавным, поступенчатым опредмечиванием хаотичного, мало осознаваемого, «сырого» образа, переводом его на сознательный уровень. Впоследствии, зачастую удаётся достичь осознания искомого содержания, выражения его в речевой форме. В вербальной психотерапии перевод неосознаваемого до сих пор содержания на уровень понятийной речи форсируется, происходит скачкообразно, что, чревато «потерей» каких-то элементов искомого содержания или его искажением.

Теперь обратимся к проекциям из области философии.

При вербальной терапии в речи клиента изначально представлен только результат вторичного означения – осмысленное, уже каким-либо образом включенное в опыт, более-менее пережитое содержание, например, интерпретация клиентом своих или чужих поступков, действий, реакций как несущих какой-либо смысл. До и вне терапии клиент уже выделил это содержание как значимый, заслуживающий внимания «факт». Этап же первичного означения, как правило, в жизни клиента автоматизирован, «свернут». Сознанию представлен только результат «надстройки», переработки «сырого» материала первичного означения в ходе вторичного означения. К психотерапевту клиент идет уже с «мифами», а вовсе не с фактами.

Приведем пример содержания, с которым клиентка могла бы прийти на прием к психотерапевту: женщина замечает, что ее муж возвращается домой раздраженным; состояние мужа означает и понимается как раздражение (первичное означение). Исходя из этого понимания, клиентка делает вывод, что она больше не интересуется своего мужа, что он охладил к ней, тяготится ее присутствием и, возможно, завел любовницу (вторичное означение). В данном случае важно, что интерпретации, домысливания не следуют непосредственно из того, что воспринято, а «надстраиваются» дополнительно. В принципе, форма и материал «фундамента» не определяет однозначно форму и материал «надстройки», здесь имеется большое количество степеней свободы.

Клиент предлагает консультанту миф результат вторичного (или n-ого означения) и в задачу психотерапевта входит «распутать клубок» субъективных интерпретаций клиента, добраться до его сердцевины – неозначенных содержаний, альтернативных смыслов. Вместе с клиентом психотерапевт переозначивает элементы опыта клиента, если угодно, переименовывает их и строит другой, более аутентичный жизненным фактам, реальному опыту клиента миф. Миф в данном случае представляется нам целостным аффективно-когнитивным образованием, в котором отражаются потребности и интересы личности, ее мотивы и ценности, установки и убеждения.

Таким образом, в *вербальной терапии* общение, как правило, начинается на уровне мифа и только потом, с углублением контакта оно «опускается» до уровня более-менее «объективных» фактов внешней или внутренней жизни субъекта.

В человекоцентрированной терапии традиционно большое внимание уделяется точному означиванию элементов внутреннего мира клиента. Такое означивание происходит в интересубъективном пространстве – терапевт, например, «стимулирует свободное проявление чувств, связанных с проблемой» [13;42], затем консультант

«распознает, принимает и проясняет» эти чувства, означивая (озвучивая или эмпатически выражая) их [13;43]. Точность при означивании достигается через особую установку терапевта: он откликается не на содержание речи клиента (т.е. на результаты вторичных означений), а «на те чувства, которые скрываются за этим» [13;42]. Предполагается, что в чувствах элементы внутреннего мира проявляются более адекватно, чем в речи.

Чтобы высвободить клиента из «кокона» его мифа, «сотканного» из многослойных интерпретаций, консультант обращается к актуальным эмоциональным проявлениям как к единственно достойной внимания исходной субъективной реальности клиента, «входит в резонанс» с ней, выводя ее тем самым вовне. До того, как чувство будет четко артикулировано, он избегает какой-либо оценочности в форме интерпретации, выяснения причин его появления – то есть каких-либо вторичных означений. Клиент вместе с консультантом пробиваются сквозь многослойные покровы интерпретаций к истинному, аутентичному внутреннему опыту.

На начальном этапе работы внутренние неосознаваемые содержания клиента циркулируют в поле психотерапии в полифонии смыслов наряду с осознаваемыми, однако, на ином уровне (интуитивном, до-рефлексивном). Консультант артикулирует их и обозначает для клиента, зачастую, вначале на до-речевом уровне. Если выраженное консультантом содержание резонирует с таковым у клиента, то происходят изменения, которые можно квалифицировать как движение клиента по пути самопонимания.

Однако наряду с направленностью вектора означения и от консультанта к клиенту, имеет место и встречно направленное движение от клиента к консультанту. Облекая свое внутреннее содержание в определенную форму и вынося вовне, клиент разотождествляется с ним, выносит его за пределы своей субъективности. Будучи «подтвержденным», принятым консультантом, это содержание становится более понятным и определенным, оно предстает перед участниками процесса и с ним возможна дальнейшая работа. В невербальной терапии также присутствуют эти два вектора направленности первичного означения, однако в роли консультанта выступает художественный продукт. Так или иначе, процесс означения в разговорной терапии происходит в тесном взаимодействии консультанта и клиента, в отличие от процесса первичного означения в невербальной терапии, происходящего, главным образом, в интересубъективном пространстве самого клиента, где главная задача консультанта состоит в создании наиболее благоприятных условий для такого контакта.

Таким образом, мы видим, что в человекоцентрированной вербальной терапии процесс первичного означения распределен во времени (из симультанного становится сукцессивным), а также довольно четко отделен от вторичного означения, как и в невербальной терапии. Различия в процессах означения этих двух форм терапии проявляются на уровне контакта (клиент-терапевт и клиент-продукт художественного творчества).

В *невербальной психотерапии* общение клиента и терапевта также начинается на уровне мифа и в дальнейшем происходит его «развенчание», однако следующее по иному пути, нежели в вербальной терапии. Здесь первичное и вторичное означение можно дифференцировать гораздо более отчетливо, избрав формальные критерии. Так, первичное означение можно представить как длящийся во времени процесс создания художественного продукта (рисунка, скульптуры, танца, песенного или музыкального мотива и пр.). Например, клиента просят отразить в рисунке (поделке, танце) свои актуальные переживания, чувства. В данном случае результат значения - материален, отчетлив, явлен (в отличие от более эфемерного результата означения в вербальной терапии). Кроме того, здесь процесс означения более длителен, растянут во времени, менее автоматизирован (более осознан), нежели его аналог в вербальной терапии. Мы полагаем, что удлинение, разворачивание, растягивание процесса первичного означения во времени является одним из значимых механизмов лечебного воздействия невербальной терапии. Кроме того, означение в этом случае происходит как бы «с чистого листа», заново благодаря необычным условиям, новым ощущениям, новому материалу, с которым клиент работает.

Все эти обстоятельства приводят к тому, что доминирующие при работе с языковым текстом многочисленные наслоения предыдущих осмыслений и интерпретаций теряют свою жесткость, незыблемость и однозначность, проступают альтернативные значения и смыслы, появляется возможность прикоснуться к истокам содержаний, еще не захваченных сетью значений, существенно возрастает свобода выбора. Вот чем на наш взгляд объясняются многочисленные случаи появления неожиданных для самого субъекта содержаний в его художественной продукции. Эти содержания возникают как результат работы интуиции и не могут быть объяснены с точки зрения линейной логики.

С самого начала продукт первичного невербального означения таит в себе загадку, как для терапевта, так и для самого клиента. Этим он отличен от продукта вербального клиентского дискурса, который кажется клиенту вполне очевидным,

понятным, однозначным. Так, изначально усматривая загадку, тайну в своем художественном произведении, клиент более естественно входит в терапевтический альянс с целью эту тайну исследовать и понять, нежели в ситуации вербальной терапии, где он, скорее всего, занимает более пассивную позицию, ожидая от терапевта советов, указаний и директив. В невербальной терапии позиция клиента оказывается более зрелой, нежели в вербальной, где происходит перекладывание клиентом ответственности за процесс исцеления на терапевта.

Продукт первичного означения в невербальной терапии начинает впоследствии жить своей жизнью, занимая законное место полноценного участника психотерапевтического процесса - диадическое взаимодействие становится триадическим, терапевтический диалог преобразуется в триалог.

Третий «участник» психотерапевтического процесса представляет собой во многом непознанное (и, как правило, ресурсное) альтер-эго клиента, вынесенное вовне, зашифрованное, но в принципе, доступное для понимания. Верным кодом расшифровки такого альтер-эго обладает только сам клиент, что способствует возрастанию ощущения безопасности его самовыражения в терапевтическом пространстве. В то же время, в вербальной терапии вынесение своих внутренних содержаний в конвенциональных знаках, значение которых очевидно, небезопасно и может запускать защитные механизмы, призванные исказить, переиначить, завуалировать, скрыть первоначальные смыслы, так что терапевт будет вынужден угадывать эти смыслы, преодолевая сопротивление клиента.

Таким образом, мы полагаем, что в режиме невербальной экспрессии альтернативные означения внутренних содержаний клиента начнут проявляться раньше и более отчетливо в виде альтернативных неожиданных смыслов, нежели в режиме вербальной экспрессии, конечно, при условии, что клиент включится в работу и примет парадигму невербальной терапии.

Благодаря специфике художественной экспрессии, по сравнению с вербальным аналогом, ее продукт сохраняет свои очертания в ходе дальнейшего обсуждения, работы с ним. Эти очертания могут меняться, но только в результате сознательного намерения клиента и (или) терапевта (дополнение рисунка, его изменения). Артикулированное чувство контроля над ситуацией, авторства и произвольности вносимых изменений (интенция к которым может лежать за пределами сознания) создает ощущение «твердой почвы под ногами», опоры, контрастирующее с возможной неопределенностью словесного обсуждения.

В невербальной терапии клиент получает опыт авторства в высказывании неосознаваемых до сих пор содержаний и через этот опыт присваивает содержания. Например, клиент ощущает себя одновременно и субъектом, и инструментом экспрессии (он сам рисует, и одновременно как будто что-то рисует «из него», «от его имени»). В вербальной же терапии продукт - текст обладает свойством текучести, к нему сложно вернуться, он ускользает, за него сложно «зацепиться», что иногда создает у клиента ощущение тревожной неопределенности, бесполезного пустого разговора «ни о чем». Кроме того, звучащие порой в дискурсе клиента альтернативные смыслы «заглушаются» доминирующими смыслами. Клиент, естественно, ощущает себя автором собственной речи, однако речь в данном случае выступает как инструмент, выражения доминирующих смыслов. Таким образом, клиент в данном случае не получает опыта авторства в выражении альтернативных смыслов, не замечая их появления.

Вторичное означение в невербальной психотерапии происходит в ходе дальнейшего обсуждения созданного художественного продукта. При этом имеет место контакт клиента со своим частичным экстериоризованным, вынесенным вовне альтер-эго.

Заключение

А.А.Леонтьев утверждал, что языковые понятия представляют собой только один из возможных носителей значений. Наряду с вербальными значениями существуют также и довербальные формы значений, поскольку развитие значений начинается задолго до появления речи. Значения могут выражаться, а действительность может репрезентироваться в сознании как в виде словесных понятий, так и в виде образов-представлений (предметных значений), схем действия (операциональных значений), представлений о нормах поведения (ролевых значений) и т.д. [10, 16]. Элементы внутреннего опыта клиента в двух рассматриваемых вариантах психотерапии могут облекаться в различные формы: словесную, образную, двигательную (форму действия).

В.П.Зинченко считает искусственным разделение «психологических образований» на слова, образы и действия, привлекая представления о внутренней и внешней формах, введенные В.Гумбольдтом. Одна форма, по его мнению, содержит в себе другие. «Действие, рассматриваемое как внешняя форма, имеет в качестве внутренней формы образ ситуации, в которой оно осуществляется ... и слово, обеспечивающее его целесообразность» [4;101]. «В свою очередь, образ

мира...содержит в своей внутренней форме...действия, с помощью которых он строился, и слово». И далее: «...слово, действие, образ выступают то в роли внутренней формы, то в роли внешней формы, что позволяет сделать вывод об обратимости внешних и внутренних форм»[].

Таким образом, как в вербальной, так и в невербальной психотерапии присутствуют все три формы «явления» внутренних содержаний, одни из которых существуют во внешней форме, другие – во внутренней, латентной. Так, в вербальной терапии во внешней форме борются за доминирование слово образ, а во внутренней – образ и движение, в невербальной – во внешней форме доминируют образ или движение, а во внутренней – слово. В этом заключается единство двух форм терапевтического взаимодействия.

Выводы

1. Психотерапевтический процесс рассмотрен сквозь призму философских и общепсихологических представлений об означении.
2. Намечена схема рассмотрения структуры и динамики психотерапевтического контакта в человекоцентрированной вербальной и экспрессивной психотерапии.
3. Выделены некоторые не упоминавшиеся ранее в литературе механизмы и факторы психотерапевтического взаимодействия в процессе экспрессивной психотерапии:
 - удлинение, разворачивание процесса означения во времени;
 - инициирование через художественный продукт интенции клиента к самопознанию, а также ответственности за этот процесс;
 - существование уникального «кода расшифровки» продукта невербальной экспрессии, которым обладает только сам клиент, что способствует возрастанию у клиента ощущения безопасности при самовыражении в терапевтическом пространстве;
 - получение клиентом опыта авторства в «высказывании» неосознаваемых до сих пор элементов внутреннего мира и присваивание их через этот опыт;
4. Предпринята попытка сопоставления вербальной и невербальной форм психотерапии. Выдвинуто предположение, что перевод элементов внутреннего мира из досознательного, доречевого уровня на сознательный, речевой в невербальной терапии происходит более плавно, постепенно, благодаря существованию образов, не имеющих четкой предметной отнесенности.

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: ИГ «Прогресс», 1994.
2. *Болл Б.* Интеграция научных исследований, теории практики арт-терапии. <http://www.art-therapy.ru/publication/content/29.htm>.
3. *Буякас Т.М.* Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредованной символами // Вопросы психологии. 2000. №1. С. 96-109.
4. *Зинченко В.П.* Таинство творческого озарения // Вопросы психологии. 2004. №5. С. 96-120.
5. *Калина Н.Ф.* Психотерапия: анализ дискурса в психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. №3, сентябрь.
6. *Келиш Э.* Арт-терапия: неортодоксальный, альтернативный или колмплиментарный подход к психотерапии. <http://www.art-therapy.ru/publication/content/25.htm>.
7. *Колошина Т.Ю.* Арт-терапия в терапии кризисных состояний личности и группы Автореф. канд. дис. Ярославль, 2002.
8. *Копытин А.И.* Теория и практика арт-терапии. СПб.: Питер, 2002.
9. *Леонтьев А.А.* Формы существования значения // Психологические проблемы семантики / Под ред. А.А. Леонтьева, А.Н.Шахнаровича. М.: Наука, 1983. С.5-20.
10. *Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: изд-во МГУ, 1983.
11. *Петренко В.Ф., Василенко С.В.* О перцептивной категоризации // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1977. №1. С.26-34.
12. *Роджерс К.* Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической работы. М.: ЭКСМО, 2006.
13. *Розов А.И.* Проблемы категоризации: теория и практика // Вопросы психологии. 1986. №3. С.90-98.
14. *Романова Е.А.* Герменевтические основы арт-терапии. Автореф. канд. дис. Владивосток, 2005.
15. *Скейфи Д.* Диалектика арт-терапии // Арт-терапия / Под ред. Копытина А.И. СПб.: Питер, 2001. С.88-104.
16. *Стеценко А.П.* Психологическая структура значения и ее развитие в онтогенезе. Автореф. канд. дис. М, 1984.
17. *Тихонович Л.А.* Опыт исследования практики арт-терапии в XX в. Игровой

- контекст современного искусства. Автореф. канд. дис. М, 2005.
18. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
 19. *Шмелев А.Г.* Концепция систем значений в экспериментальной психосемантике // Вопросы психологии. 1983. №4. С.16-28.
 20. *Kaplan F.* Art, Science & Arts Therapy: Repainting The Picture. Jessica Kingsley Publishers, 2000.
 21. *Rogers N.* Creative Connection. Palo Alto, CA: Science & Behavior Books, Inc., 1993.
 22. *Wadeson H.* Art Therapy Research. Source Art Education // Art Therapy and Art Education/ 1980. Vol. 33. №4. P.31-34.